

Михаил Булгаков, его время и мы

Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего, Краков 2012

Нона Гурамовна Бобохидзе*
Русудан Сосоевна Сагинадзе**

Грузия

ДВА ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛГАКОВА МАСТЕР И МАРГАРИТА НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Хотите увидеть, как начинается лунное наводнение в вашей комнате? Хотите наблюдать схватку добра со злом и постичь существование той силы, которая, по гетевскому Фаусту, «вечно хочет зла и вечно совершает благо»? Тогда вы должны прочитать *Мастера и Маргариту* Булгакова¹ –

так начинается предисловие к грузинскому переводу романа, изданному в 2011 году в проекте «50 книг, которые ты должен прочитать за свою жизнь» («пока ты жив» – дословный перевод). В рамках данного проекта в Грузии было опрошено несколько десятков человек, и по результатам опроса был составлен список пятидесяти лучших книг из сокровищницы мировой литературы. Седьмая книга в общем списке и первая книга русского автора – *Мастер и Маргарита*.

* Доктор филологии, ассоциированный профессор департамента славистики Государственного университета им. Ак. Церетели, Кутаиси.

** Доктор филологии, ассоциированный профессор департамента грузинского языка и литературы Государственного университета им. Ак. Церетели, Кутаиси.

¹ m. bulgakovi, *ostate da margarita, mzia gelashvilis targmani*, tbilisi 2011 (слова на внутренней стороне обложки книги).

Грузинскому читателю доступны два варианта перевода последнего романа М. Булгакова на грузинский язык – Георгия Кикилашвили² (первый перевод сделан в 1968 году, когда в Грузии, как, впрочем, и в других советских республиках интерес к Булгакову был очень велик) и Мзии Гелашвили (выполнен несколько позже; именно в этом – небесспорном – варианте перевода роман издается в последнее время)³. Безусловно, оценить труд переводчика гораздо легче, если есть возможность сравнения нескольких вариантов перевода.

Роман *Мастер и Маргарита* не укладывается в традиционные схемы и поражает своей образной неисчерпаемостью, необычным сюжетом и глубокой философской проблематикой. Здесь и сатирическая фантастика, и описание московского быта послереволюционных лет, и тема гонимого художника. «Вечные» проблемы, никуда не исчезающие в «новое» время безбожия и вседозволенности, подразделяются также и лексически – при помощи высокого и низкого стилей речи. Композиция романа необычна и очень сложна. Критики отмечают три мира, три различных плана повествования в романе.

Перевести это произведение, не просто сохранив все тонкости, а цельность сюжета, мысли и задачи автора, почти нереально. Проанализируем оба варианта перевода, сопоставляя их с оригиналом.

Глава I. *Никогда не разговаривайте с неизвестными*⁴ – *utsnobs nurasodes gaubam saobars* (I, с. 5) – «С неизвестным никогда не завязывай разговора» – 1-й вариант; *nurasodes daelaparakebit utsnobs* (II, с. 5) – «Никогда не разговаривайте с неизвестными» – 2-й вариант. Казалось бы, второй более точный, но в первом сохранена особенность грузинского языка – обращение на «ты».

Описание героев – сложнейший элемент перевода. Приведем только начало:

[...] два гражданина. Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную шляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе. Второй – плечистый, рыжеватый,

² m. bulgakovi, *ostate da margarita, givi kikilashvilis targmani*, tbilisi 1992. Ссылки на данное издание отмечены в тексте римской цифрой I и номером страницы.

³ См.: сноска № 1. Ссылки на данное издание отмечены в тексте римской цифрой II и номером страницы.

⁴ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, Таллинн 1989. Далее цитаты по этому изданию отмечены в тексте номером страницы.

вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке – был в ковбойке, жеванных белых брюках и в черных тапочках (с. 171).

В первом варианте перевода откуда-то появляется возраст Берлиоза:

ormotsiodena tslis kats, natsrispheri sazaphkhulo kostiumi etsva, tanmorchili iko, chasukebuli, gamelotebuli. Akali, gvezeliseburi shlapa khelshi etchira, tsveri saguldagulad khkonda gaparsuli, shavi rckischarchoiani veebertela satvale eketa (I, с. 5) –

«около сорока лет в сером летнем костюме, упитанный, лысый со шляпой-пирожком в руке...». Описание поэта Бездомного более точное, упомянута даже «kovbouga» – ковбойка и «мятые-перемятые» (вместо «жеванных») брюки.

Во втором варианте перевода упомянут темно-серый – «rukhi» – костюм Берлиоза и «степенная» – «lazatiani» шляпа (невозможное сочетание и для грузинского языка), которую он держал тремя пальцами за уголок – «sami titit ejira tskipze» (II, с. 5); образ поэта представлен так: в куртке, мятых белых брюках и черных спортивных туфлях – «kurtuki, dasmurkluli tetri sharvali da shavi sportuli phekhsatsmeli etsva...» (II, с. 5).

Или, например, в главе V. *Было дело в Грибоедове – es mokhta griboedovshi* – оба варианта одинаковы: это случилось в Грибоедове (досл.); очевидно, что «потерялся» фразеологизм «было дело» и исчезло ощущение несерьезности происходящего.

Мы помним, что в «московских» главах активен посредник – рассказчик, ведущий за собой, как бы вовлекающий читателя в процесс игры, рассказчик, чья интонация может быть и иронической («Эх-хо, да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова!» (с. 210) – «o-ho-ho, ra iko! Dzvel moskovels kargad ahsovs sahelgantkmuli griboedovi!» (I, с. 64) – сочетание «московские сторожилы» передано как «старые москвичи») – в первом варианте перевода и – «ekh-khe-khe-khe – diakh, iko!» (II, с. 58) и т. д. – «Эх-хе-хе-хе! Да, было... Как хорошо помнят московские жители знаменитого Грибоедова!» – во втором варианте. В лирической части романа («Боги, боги мои!» (с. 340) – «gmerto, gmerto chemo!» (I, с. 251) – в соответствии с особенностью грузинского языка переведено как «Бог мой!» в первом варианте перевода и «khai, gmertebo!» (II, с. 235) – «Хей, боги» – во втором варианте), никакого посредника, никакой игры в «евангельских» главах нет. Проследим, как это передано в переводе романа, в образе прокуратора Иудеи Понтия Пилата.

Глава II. *Понтий Пилат – pilate pontoeli* – «Пилат Понтийский» – точный эквивалент имени Пилата на грузинском языке. Теперь начало

главы, знаменитые строки: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром [...]» (с. 180) и т. д.:

gazaphulis tvis, nisanis tothmets herode didis sasahlis prtata shoris gadahurul kamedredze dilaadrianad mhedrit morkeuli nabijit gamovida metsamul-sarchulian tetr mosashamshi gahveuli prokuratoru iudeisa pilate pontieli (I, с. 19).

В первом варианте приводится практически точный перевод, где максимально сохранен синтаксис предложения; единственная неточность переводчика – слово «шаркающей» переведено как «morkeuli» – шатающаяся, в связи с чем потерялся смысл сочетания «кавалерийская походка». Второй вариант более точный, можно сказать, дословный, но в нем потерян стиль и манера изложения, которые все время пытается сохранить первый переводчик: «siskhlispherkobian tetr mosaskhamit, dilaadrian, gazapkhulis tvis nisanis totkhmets [...]» (II, с. 18) и т. д.

Что касается перевода описаний столицы Иудеи, города Ершалаима у Кикилашвили, то они максимально соответствуют представленным в романе. Например, текст, который «проходит» через все произведение наряду с некоторыми другими:

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... (с. 402)

hmeltashua zgvidan tsamosulma tskvdiadma shtantka prokuratoris sadzulveli kalaki. Gakra antoniusis shemzaravi koshkisa da tadzris shemaertebeli dakidebuli hidebi. Tsidan ukuneti chamoeshva da dapara hipodromze agmartuli prtosani gmertebi, hasmoneebis satopurebiani sasahle, bazrebi, karvaslebi, kuchabandebi, tborebi... (I, с. 348) –

«Со Средиземного моря пришедшая тьма накрыла прокуратором ненавидимый город. Исчезли Антониевой башни и храма соединяющие висячие мосты. С неба спустилась бездна и накрыла гипподрома крылатых богов, Хасмонеийский с бойницами дворец, базары, караван-сарай, переулки, пруды...». Необходимо заметить, что этот переводчик старался придерживаться высокого стиля речи в описаниях «библейских» текстов и создавать предложения, по ритмике повторяющие особую напевность оригинала. «Под счастливой звездой родился критик Латунский. Она спасла его от встречи с Маргаритой, ставшей ведьмой в эту пятницу!» (с. 355) – «bednier varsklavze kopila dabadebuli kritikosi latunski, paraskev games alkajad ktseul margaritas rom gadaurcha» (I, с. 274). Во втором ва-

рианте добавлено, что это именно собрание в МАССОЛИТЕ спасло критика Латунского от ведьмы Маргариты: «stsoret am tatphirma ikhsna im paraskevs alkajad ktseul margaritastan shekhvedrisagan!» (II, с. 255).

Необычайно сложным представляется нам перевод имен собственных. Библейским именам и наименованиям соответствуют собственно булгаковские варианты: Иешуа Га-Ноцри – *ieshua kha potsri*, Каифа – в первом варианте перевода представлен так же – *kaifa*, а во втором варианте дан в соответствии с библейским вариантом Кайафа – *kaiaφa*, Левий Матвей – *levi mate* (Леви Мате) у обоих переводчиков, Вар-Равван – *bar gaban* (Бар Раббан) у первого переводчика и *garaba* (Параба) у второго и т. п.

Что касается оригинальных наименований самого автора, то с их переводом связано много сложностей. Так, калькируя аббревиатуру МАССОЛИТ, грузинский переводчик утратил тот некий двойной смысл, который присущ булгаковскому варианту: московские литературные ассоциации (официально) и массовая литература (предположительно). Или Дом Драмлита – Дом Драматурга и Литератора (официально) и Драматических Литераторов (предположительно). Безусловно, в ходе калькирования теряется смысл, вкладываемый автором в создаваемые им имена и, особенно, фамилии героев: Двубратский, Бескудников, Непременова и др. В грузинском языке очень небольшое количество уменьшительно-ласкательных суффиксов, а потому в первом варианте перевода Г. Кикилашвили предпочел сохранить русское «чума Аннушка», но слово «чума» имеет два варианта в грузинском языке – «*jami*», «*jigi*», где именно второй эквивалентен булгаковскому, в то время как первый переводчик выбрал слово «*jami*» – чума как болезнь, а второй переводчик «утяжелил» смысл, добавив слово «*shavi*» – «черный», – получилось «черная чума» и совершенно исказилось значение.

Не менее сложно было передать образность псевдонимов. Переводчики калькировали имена Штурман Жорж, Бездомный и др. или пытались перевести некоторые из них. Неудачной оказалась попытка перевода Марка Крысобоя: в первом варианте перевода получилось «*marcus tagvtmmusvrelī*» – «уничтожитель мышей», что явно «принижает» образ данного героя, а во втором варианте дается «*virtkhatmjle*» – «победитель крыс» (буквально «одолевший крыс»), – так же неверное, потерявшее звучность сочетание. Как известно, Булгаков представил многих реальных людей под масками тех или иных героев. Важно узнать их по тем сопроводительным характеристикам, которые приводит автор. Сохранить и передать эти образы при переводе, к сожалению, не удалось обоим пе-

реводчикам. Так, «потерялся» образ «Сашки-бездарности», Александра Рюхина, как нам кажется, списанный с поэта 1920-х годов Александра Жарова, автора знаменитого гимна пионеров «Взвейтесь кострами синие ночи...». В романе поэт Бездомный характеризует его как «типичного кулачка по своей психологии»: «Хе-хе-хе... „Взвейтесь!“ да „развейтесь...“, а вы загляните к нему внутрь – что он там думает... вы ахнете!» (с. 218) – при переводе, конечно же, сходство между вымышленным героем и его оригиналом утратилось, поскольку, очевидно, переводчики не знали, о ком шла речь: «he-he-he... da „iprialet!“ da „ibrialet!“...» (I, с. 76) – «Взвивайтесь и развевайтесь...» – в первом варианте и «ha-ha-ha... „iprialet! gaishalet!“» (II, с. 70) – «Взвивайтесь! Разворачивайтесь!» – во втором.

Тем не менее, несмотря на неточности, оба перевода, как видим, во многом дополняют друг друга, передают самобытность одного из величайших произведений всех времен и народов и знакомят грузинского читателя с бессмертным романом Михаила Булгакова.